

Самарская гуманитарная академия

С. А. Лишаев

МЕТАМОРФОЗЫ *слова*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 81:1
ББК 81-3
Л 67

Лишаев С. А.

Л67 Метаморфозы слова / С. А. Лишаев. — СПб. : Алетейя, 2011. — 232 с. — (Серия «Тела мысли»).

ISBN 978-5-91419-500-4

В книге анализируются культурные, антропологические и социальные последствия трансформации пространственной локализации слова. Рассматриваются переходы от устной речи к письменному слову, от рукописи к печати, от печати к экрану. Особое внимание уделяется анализу изменений в поведении автора и читателя в ситуации «информационного стресса», а также судьбе печатного слова в эпоху цифровых технологий. Во второй части книги исследуется влияние русского языка на формирование проблемно-тематического поля отечественной философии, анализируются семантические поля таких слов, как «правда», «истина», «дух», «другое», проясняется характер их воздействия на отечественную философию и культуру.

Книга адресована философам, культурологам, лингвистам, историкам отечественной философии, но может оказаться полезной и другим гуманитариям и просто любознательным читателям.

**УДК 81:1
ББК 81-3**

ISBN 978-5-91419-500-4



9 785914 195004

© С. А. Лишаев, 2011
© Самарская гуманитарная академия, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

1. В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА (писатель и читатель в XXI веке)

Неуютно стало в мире. Холодно. Мир утратил форму. Декристаллизовался, дефрагментировался, распался на составляющие. Мир перестал быть миром. Неуютно на замусоренной бутылками поляне, тоскливо на улицах большого города, пусто в отделанных пластиком квартирах. Жизнь кипит, люди снуют туда и сюда, вверх и вниз, направо и налево, они садятся за руль, набиваются в автобусы, вагоны и самолеты и куда-то спешат... Счастливые, они знают — куда...

Но что это? Чу! Несут кого-то.

— «Ребята, кого несете?» — «Автора». — «А что с ним?» — «Умер». — «А это кто?» — «Субъект. Не видишь разве?» — «Его-то куда?» — «Туда же. На кладбище, в архив». — «Да что вы... Как же мы без него!?» — «Проживем как-нибудь. Живем же без Бога...» — «А что с Богом?» — «Вот пристал! Ты что, не грамотный? В школе не учился? Бога еще Ницше схоронил, в позапрошлом веке. Чего дорогу-то загородил? Тут работы невпроворот, а они под ногами мешаются, проход загораживают! Отойди в сторону...».

Я отошел. Стою в сторонке, смотрю на закат Европы. Косые лучи равнодушно скользят по поверхности земли, длинные тени путаются под ногами. Холодает, однако.

Это, как говорили наши деды, присказка. Сказка — впереди.

1.1. Гуманитарий и информационный стресс (к современным практикам письма и чтения)

Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела.

Екклесиаст (Ек. 12 : 11-12)

Если судить по многостраничным библиографическим разделам в монографиях, по специальным библиографическим изданиям и по бесконечным спискам «использованной литературы» в диссертациях (меньше двухсот наименований не найдете), то можно подумать, что гуманитарное знание находится на подъеме, что предсказание К. Леви-Строса сбылось и ХХI век стал веком гуманитарных наук. Однако гуманитария книжное изобилие не радует. То есть оно, конечно, радует, но больше беспокоит, огорчает, ввергает в депрессию. Что же мешает «специалисту гуманитарного профиля» дышать полной грудью, что не дает ему с чистой совестью отдать свои силы и время любимому делу?

Для начала попытаемся описать ситуацию в гуманитарном сообществе и рассмотрим, *как сегодня чувствует себя гуманитарий и чем его самочувствие определяется*. Речь пойдет не о том, как обстоят дела в гуманитарных науках, не о достижениях или застое в отдельных областях «наук о духе», но о том, *каково ему, гуманитария, в его собственном доме (в его предметной области)?*

И здесь приходится признать, что год от года его самочувствие все ухудшается и ухудшается. Сильно сказано? Согласен. Такого рода утверждения должны быть чем-то обоснованы. Социологическими данными на сей счет я, к сожалению, не обладаю, но мой личный опыт и опыт моих знакомых позволяет утверждать, что гуманитарий сегодня чувствует себя неуютно. Даже больше того: он находится в *состоянии вялотекущей, затяжной депрессии*. Одна из важнейших, на мой взгляд, причин депрессивного состоя-

ния очевидна — это *несоразмерность библиосферы*, в которую гуманитарий погружен, которую он изучает, описывает, расширяет, и *пространственно-временной размерности его умного тела* («всюду книги, книги, книги, а я маленький такой...»). В тоске и печали бродит он по бесчисленным переходам «вавилонской башни»... Необозримость написанного по любой сколько-нибудь значительной теме вызывает тревогу: не успел гуманитарий освоиться, почувствовать себя уверенно в рамках разрабатываемой им темы, — как он узнает о новых работах, присутствие которых не может не беспокоить того, кто воспитан на пуританских добродетелях научной строгости и основательности. И вот усталое, изнуренное чтением тело вновь брошено за письменный стол, и склонившийся над экраном монитора «жрец науки» заступает на службу своему богу — идеалу научного разума. Проходят дни, месяцы, но, увы, жертва оказывается напрасной: пока дисциплинированный интеллект осваивал упущенные им материалы, из-под «пера» его трудолюбивых коллег уже вышло с десятков новых исследований... И вот опять бежит наш храбрый Ахилл за удаляющимся панцирем гигантской черепахи...

То обстоятельство, что многие гуманитарии и сегодня сохраняют классическое представление о призвании ученого, о критериях качества научной работы, о научной добросовестности, лишь усиливает депрессивное состояние. Кодекс чести ученого, сформировавшийся в Новое время (его можно было бы назвать кодексом строителя правильного — научного — знания), был скроен явно не по фигуре гуманитария XX-XXI столетия (кодекс, нет слов, хорош, но сильно сдавливает разросшееся тело научного разума). В соответствии с этим кодексом исследователь-гуманитарий *обязан* знать то, что сделано в сфере его научных интересов предшественниками, но сегодня... он ясно сознает, что *не может* выполнить это требование. Ученый привык думать, что его труд заслуживает уважения и может быть назван плодотворным, если он обогащает избранную им область ведения *новым* знанием, *новым* методом, однако все чаще гуманитарий оказывается *не в состоянии ответить на вопрос: сделано ли им что-то действительно новое?*¹ Плодотворность и новизна его

¹ Даже диалогический подход к гуманитарному познанию, определяющей его как инаучную форму знания (М.М. Бахтин), требует

труда должны пройти тест на научную «доброкачественность» в ходе публичного обсуждения исследования, но до обсуждения дело (все чаще и чаще) просто не доходит. И это не потому, что нет интересных, заслуживающих внимания работ. Просто книга не может найти читателя, во всяком случае, такого читателя, который был бы способен профессионально обсудить ее содержание, дать ей критическую оценку. Иначе говоря, читатели читают так много, что у них не хватает времени на публичное обсуждение и оценку того, что они читают. Но для чего же, собственно, работает ученый, если результат его работы — статья, трактат, монография — или вовсе не находит читателя, или читателей своих он может пересчитать по пальцам одной руки? Волна текстов накрыла гуманитария с головой, подхватила его и понесла... Вопрос в том — куда?

Несоразмерность объема информации и ограниченной способности человека к ее освоению даже в узких рамках его профессиональной компетенции ставит вопрос о смысле выполняемой им работы и о ее возможном адресате. Хотя формально его (философа или — шире — гуманитария) адресатом остается гуманитарное сообщество в целом, но его реальный адресат — это те несколько человек, которые по каким-то причинам прочли его работу и включили ее в горизонт своей собственной мысли, использовали ее в своих исследованиях. В условиях распада, распыления предметных полей гуманитарных наук, их фрагментации и взрывного увеличения числа текстов в каждом из сегментов гуманитарного знания ученый уже не может рассчитывать на то, что его работа будет включена в *единое поле* «прогрессивно развивающегося» гуманитарного знания.

Когда же начался этот болезненный отрыв книжного мира от его творцов? Пожалуй, начало процессу отчуждения библио-

от гуманитария производства *новых* смыслов, требует *углубления понимания* (по сравнению с тем, что было вчера) того или иного текста (то есть требует нового знания-ведения, пусть это новое и не может быть, как настаивал Бахтин, оценено по тем же критериям, по которым судят о знаниях, относящихся к миру «безгласных вещей»). Таким образом, даже выведение гуманитаристики из-под юрисдикции естественнонаучной парадигмы еще не означает отказа от критерия «новизны» как цели гуманитарного познания.